

В. И. Немирович-Данченко

В мечтах

Драма в четырех действиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Немирович-Данченко**
В мечтах: Драма в четырех действиях / В. И. Немирович-Данченко – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 122 с.

ISBN 978-5-517-96641-4

ISBN 978-5-517-96641-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Залъ въ квартирѣ средней руки, у Занковской. Рояль. Нѣсколько этажерокъ съ нотами. Много растений, старыхъ вѣнковъ съ лентами, корзины съ высохшими и съ искусственными цвѣтами. На рояли и на стульяхъ букеты, бутоньерки и корзины изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Большой, дорогой альбомъ въ картонномъ ящикѣ. По стѣнамъ группы портретовъ музыкальныхъ и вокальныхъ знаменитостей. Между ними большіе портреты Чайковского, Глинки и Ник. Рубинштейна. Нѣсколько портретовъ самой Занковской разныхъ возрастовъ, въ туалетахъ и въ оперныхъ костюмахъ. Въ столовой длинный столъ съ чаемъ и закуской. Морозное утро.

Около 25 учениковъ и ученицъ Занковской — преимущественно ученицъ — скучились у рояли и репетируютъ кантату. Между ними **Букова** и **Топольковъ**. Аккомпанируетъ **Вѣра Кирилловна**, учитъ **Пустынниковъ**. Тутъ-же барышня съ арфой. Ученицы принарядились въ свѣтлые цвѣта. Ученики въ сюртукахъ, кто побѣднѣе — въ každодневныхъ тужуркахъ, попадаютъ и во фракахъ.

Марфа Филатовна и **горничныя Занковской** и **Старочеркасовой** заняты въ столовой. Во время репетиціи часто раздаются звонки въ передней, та или другая бѣгутъ отворять. Если это телеграфисты, Марфа Филатовна принимаетъ телеграммы, даетъ на чай.

Григорій Кирилловичъ въ студенческой формѣ занятъ разсматриваніемъ большого альбома и собираетъ телеграммы, кладя ихъ всѣ вмѣстѣ около Пустынникова, прибавляя:

«еще привѣтствіе»; если Пустынниковъ занять дирижированіемъ, то только киваетъ головой или одной рукой кладетъ поданную телеграмму въ общую кучу.

Изъ запоздавшихъ входитъ **Солнцева** въ очень элегантномъ туалетѣ. Увидѣвъ репетицію, она еще въ передней дѣлаетъ минку испуга. Вѣру Кирилловну цѣлуетъ, та, аккомпанируя, подставляетъ ей щеку.

Солнцева. Я опоздала. Дорогая Вѣра Кирилловна, поздравляю васъ съ торжественнымъ днемъ юбилея вашей мамы. (*Ловитъ Марфу Филатовну*). Душечка Марфа Филатовна! Тутъ должны были принести изъ цвѣточного магазина мои цвѣты.

Марфа Филатовна (*въ хлопотахъ*). Не знаю, барышня. Вонъ тамъ ихъ много нанесли.

Солнцева (*ищетъ*). Корзина, съ вышитымъ полотенцемъ.

Пустынниковъ. Солнышко, опоздали!

Солнцева. Ахъ, Петръ Петровичъ, у насъ лошадь захромала, пришлось ѣхать въ наемной каретѣ.

Пустынниковъ. Ну, вступайте скорѣе.

Солнцева (*найдя корзину*). Вотъ она! (*Наскоро оправляетъ ее и вступаетъ въ хоръ, поцѣловавъ по пути Букову, пожавъ руку Тополькову и кивкомъ головы здороваясь съ нѣкоторыми учениками*).

Ученицы (*искоса осматриваютъ ея туалетъ*).

Топольковъ (*продѣлываетъ тоже съ демонстративно подчеркнутымъ вниманіемъ*).

Солнцева. Топольковъ, не глупите.

(*Поютъ*).

Пустынниковъ (*останавливая*). Пойдите, Пойдите. (*Чешетъ затылокъ*).

Букова (*Энергично, съ досадой*).—Опять не вышло?

Пустынниковъ. Опять не вышло. (*Помолчавъ*). Еще разъ «о радостяхъ властной свободы».

Солнцева. Петръ Петровичъ! Скажите Тополькову, чтобъ онъ не глумилъ. Я хоть и опоздала, а сразу взяла такое чистое ті, а онъ беретъ меня за локоть и вмѣсто «о радостяхъ властной свободы» поетъ «у Солнышка платье роскошно».

Топольковъ (*нѣсколько сконфузившись*). Что-жъ, я такта не нарушилъ. (*Поетъ подъ мотивъ кантаты*) «У Солнышка платье роскошно».

Солнцева. Во-первыхъ, я вамъ еще не Солнышко. Меня зовутъ Лидіей Викторовной. А во-вторыхъ, неприлично брать барышню за локоть.

Пустынниковъ. Ну, господа, потомъ посчитаетесь. Повторяемъ. Приготовьтесь. (*Стихаютъ*).

Топольковъ (*не громко*). Лидій на свѣтъ много, а Солнышко одно.

Пустынниковъ. Тс-с!

Топольковъ (*еще тише*). И развѣ за талію брать приличнѣе, чѣмъ за локоть.

Пустынниковъ. Начинаю.
(*Звонокъ*).

Пустынниковъ (*оборачиваясь*). Вѣра Кирилловна! А не можетъ случиться, что Александра Николаевна войдетъ внезапно?

Григорій Кирилловичъ. Нѣтъ, нѣтъ. Мы условились съ Андреемъ Павловичемъ, чтобъ онъ позвонилъ четыре раза. Если четыре раза позвонятъ,—значить, мама.

Пустынниковъ. Ага! Ну, господа, начинаемъ.
(*Поютъ*).

Пустынниковъ. Глубже! Проникновеннѣе! Эхъ, Яхонтовъ опоздалъ.

Въ это время **Яхонтовъ** вошелъ въ переднюю и оттуда поетъ „Онъ здѣсь!“

Григорій Кирилловичъ. Вонъ онъ! (*Идетъ къ нему*).

Пустынниковъ. А, несравненный! (*Тожже идетъ къ нему*).

(*Пѣніе прервано*).

Ученицы (*кромя Буковой*). Яхонтовъ, Яхонтовъ пришелъ. До чего онъ симпатиченъ! Обаятеленъ! Сколько простоты и силы! Вы видѣли его въ «Демонъ?» Что Демонъ, послушайте Онѣгина! (*Разбиваются на группы*).

Топольковъ (*Солнцовой*). Вотъ погодите. Черезъ три года будутъ говорить: Топольковъ идетъ, Топольковъ! Гдѣ? Вонъ! Да гдѣ? Да вонъ, подошелъ къ магазину Хлѣбникова. Красивый такой! Ахъ, душка! Душка Топольковъ! Смотрите, смотрите. Разсматриваетъ чайный сервизъ, который поднесутъ ему завтра.

Солнцева. Отстаньте, я на васъ сердита.

Топольковъ. Ну, не сердитесь. Вѣра Кирилловна! Властью дочери вашей мамы прикажите, чтобъ она перестала сердиться.

Вѣра Кирилловна (*чуть подавшись къ топикру и немного шурясь, перебираетъ аккомпаниментъ. Не глядя на нихъ*). Не сердитесь на него, Солнышко. Чѣмъ же онъ васъ обидѣлъ? Онъ знаетъ, что вы—будущая артистическая знаменитость—туалетомъ своимъ интересуетесь больше, чѣмъ «радостями власт-

ной свободы», такъ-же, какъ онъ больше всего мечтаетъ о чайномъ сервизѣ отъ публики.

Топольковъ и Солнцева (*переглядываются съ школьнической мишкой—«вотъ, молъ, и влетѣло намъ»*).

Яхонтовъ (*идеть*). Здравствуйте, здравствуйте.

Ученицы (*дѣлаютъ ему реверансъ*).

Яхонтовъ (*подходитъ къ Вѣрѣ Кирилловнѣ и цѣлуетъ ей руку*). А гдѣ же сама юбилярша?

Вѣра Кирилловна. Мама поѣхала въ церковь съ Андреемъ Павловичемъ.

Яхонтовъ. Неужто молебень служить?

Григорій Кирилловичъ (*слѣдовавшій за нимъ*). Да, это я ее надоумилъ. Тебѣ бы, говорю, мама, вознести Творцу благодарность за то, что ты 25 лѣтъ безнаказанно служишь искусству,—стало-быть, служишь всякой чертовщинѣ,—ну, а она въ серьезъ. Мнѣ, говорить, давно хочется помолиться.

Яхонтовъ. Куда-жъ она?

Григорій Кирилловичъ. Въ Донской. Тамъ, говорить, есть замѣчательный басъ.

Яхонтовъ (*наклоняясь надъ роялю*). А вашъ чоловікъ? Его сіятельство?

Вѣра Кирилловна. Мой мужъ? Я его сегодня не видѣла. Прямо съ вокзала переодѣлась и сюда.

Яхонтовъ. А вы опять уѣзжали? Что это вы такъ любите вдругъ куда-то уѣхать на цѣлый мѣсяць?

Вѣра Кирилловна. На этотъ разъ я ѣздила всего на два дня, въ Нижній, на публичную лекцію Костромского.

Яхонтовъ. А! Знаменитаго автора «Аники война» и «Страны»... Какъ это?

Григорій Кирилловичъ. «Страны каликъ - переходящихъ».

Яхонтовъ. Онъ сегодня на обѣдѣ не будетъ?

Вѣра Кирилловна. Будетъ.

Яхонтовъ. Вотъ бы уговорить его сказать что-нибудь.

Вѣра Кирилловна. Не станетъ.

Яхонтовъ. А мы все-таки попытаемъ.

Пустынниковъ (*объяснявшій въ это время артистку пассажи*). Ну-съ, mesdames, господа! Еще разочекъ — послѣдній куплетъ. Яхонтовъ, помогите намъ.

Яхонтовъ. Я готовъ. (*Сталкивается съ Буковой*).
Здравствуйте.

Букова (*опустивъ глаза, молча здоровается и тотчасъ-же отходитъ*).

Яхонтовъ (*насматывая, подходитъ къ ученикамъ*).

Ученики (*опять скучиваются у рояли*).

Солнцева. Загордились. Со мной и здороваться не желаете?

Яхонтовъ (*Спохватившись*). Виновать. Здравствуйте, Солнышко. Маты Божія Печерска! Якій тувалеть!

Солнцева. Нравится?

Яхонтовъ (*клоуничаютъ*). Убить наповаль.

Пустынниковъ. Тишина! Не форсируйте, господа! Въ четверть голоса. Только для провѣрки. Начинаю.

(*Поютъ*).

Входятъ Широкова съ дочерью. Ихъ встрѣтила
Марфа Филатовна.

Марфа Филатовна. Софья Николаевна! Матушка!
Давно ли пріѣхали?

Широкова. Здравствуй, Марфа Филатовна. Что это
у васъ—спѣвка?

Марфа Филатовна. Готовимъ сюрпризъ для Алек-
сандры Николаевны.

Юля. А гдѣ тетя?

Григорій Кирилловичъ (*идетъ навстрѣчу*). А! Знат-
ные иностранцы. Какими судьбами?

Широкова. Спѣшили къ торжественному дню.
Читали о немъ въ газетахъ. (*Цѣлуются*).

Вѣра Кирилловна (*увидѣвъ ихъ, встаетъ*). Петръ Пет-
ровичъ! Я должна встрѣтить. Это—тетя, которая
всегда ссорится съ мамой. Чего она появилась?

Пустынниковъ. Пожалуйста. (*Садится за рояль самъ*).
Продолжаемъ, продолжаемъ, господа.

Вѣра Кирилловна (*идя къ Широковой*). Откуда вы,
тетя?

Широкова (*цѣлуется съ нею*). Хочешь знать весь
маршрутъ? Петербургъ, Вильно, Эйдкунень....
Бѣби, если собьюсь, помогай.... Königsberg, Ber-
lin, Paris—quinze jours,—Lyon, Marseille, Cannes,
Nice—un mois entier,—retour: Menton, Vintimille,
S.-Remo, Gènes, Zemmering, Wienne, Granica,
Varsovie et nous voilà.

Юля. Отлично. Но въ переводѣ на русскій языкъ:
двѣ недѣли Парижъ, и цѣлый мѣсяць Monte-Carlo,
потому что мама играла каждый день съ часу утра
до двѣнадцати ночи.

Широкова. Ну, играла! Кому я мѣшала?

Григорій Кирилловичъ. Выиграли?

Широкова. Много будешь знать, скоро состаришься. (*Взрѣвъ Кирилловнѣ, тише*). Семнадцать тысячъ ухнула. Мужъ не знаетъ.

Вѣра Кирилловна. Рублей?!

Юля. Нѣтъ, по счастью, только франковъ.

Вѣра Кирилловна. А гдѣ теперь дядя?

Широкова. Не знаю, милая. Строить гдѣ-то дорогу. Не то въ Уфѣ, не то... въ Эривани.

Юля. Папа грабитъ кого-то для того, чтобы мы съ мамой транжирили.

Широкова. Фуй, Бэби! Выражайся помягче. Гдѣ-жъ, наконецъ, сестра?

Вѣра Кирилловна. Она сейчасъ пріѣдетъ. Пойдемте въ столовую, а то мы мѣшаемъ.

Широкова. Это что-же, готовится юбилейная встрѣча? (*Лорнируетъ*).

Вѣра Кирилловна. Да.

Широкова. Есть хорошенькія? Гриша, въ кого ты влюбленъ, покажи.

Григорій Кирилловичъ. Ни въ кого, тетя.

Широкова. Врешь. До страсти люблю хорошенькихъ женщинъ. (*Обернувшись*). На ривьерѣ всѣ до одной мазаныя. Я ужъ совѣтовала Бэби, не хочеть, а между тѣмъ шансы не равны.

Вѣра Кирилловна (*Юль*). Жениха не подцѣпила? Какого-нибудь иностраннаго принца?

Юля. Жениховъ, милая, нѣтъ за границей. Мама наряжала меня въ декадентскія платья, но мужчины принимали меня за кокотку и находили, что во мнѣ есть шикъ славянской любовницы.

Григорій Кирилловичъ. Они не ошиблись.

Юля. Дуракъ.

Широкова (*оборачиваясь и идя къ столовой*). Юлька не умѣетъ. Я бы съ ея качествами уже три раза замужъ вышла. (*Уходятъ въ столовую*).

Пустынниковъ (*посль повторенія куплета встаетъ. Нѣкоторые голоса продолжали было*). Ну, «Слава» у насъ идетъ. Теперь, господа, какъ четыре звонка, выстраивайтесь по голосамъ. И не очень развлекайтесь, и извините меня, что я команду. Но я авторъ сей кантаты, а авторы, извѣстно, самый несносный народъ.

Букова. Мерсі, Петръ Петровичъ.

Ученицы (*сначала отдѣльными голосами, потомъ по нѣсколько*). Мерсі, Петръ Петровичъ.

Топольковъ (*среди другихъ голосовъ поетъ*). Мерсі-і-і, Петръ Петро-овичъ.

Солнцева (*смѣется*).

Ученики (*разбиваются на группы*).

Яхонтовъ (*подходя къ Пустынникову*). Знаете что, Пустынниковъ? Ваше несчастье, что у васъ гроши водятся. Будь вы бѣднякъ,—вы бы теперь цѣлую оперу сочинили. Русскій человекъ проявляетъ свой гений, только когда ему ѣсть нечего, а сытый онъ лежитъ на боку и мечтаетъ.

Пустынниковъ. Господь съ вами! Зачѣмъ вамъ нужно, чтобъ однимъ счастливецемъ на свѣтѣ было меньше. Вѣдь мечтать это самое большое счастье. Я толстъ и не нравлюсь женщинамъ. А когда я мечтаю, мнѣ кажется, что я стройный красавецъ, и всѣ онѣ поголовно влюблены въ меня. Вращаюсь я среди людей науки и искусствъ, потому что

около нихъ мечты изящнѣе и благороднѣе. Я мечтаю и диллетантствую,—да что-же можетъ быть лучше?

Яхонтовъ. А слава?

Пустынниновъ. Для славы нужно честолюбіе. А у меня его нѣтъ.

Григорій Кирилловичъ (*возвращается и беретъ альбомъ*).

Яхонтовъ. Постой-ка. Это и есть альбомъ учениковъ? Покажи.

Григорій Кирилловичъ. Вотъ смотри, ты красуешься на первомъ мѣстѣ.

Яхонтовъ. Славная штука. (*Разматривая альбомъ*). Да. Давно ли я входилъ въ этотъ домъ съ трепетомъ, жался въ уголь, боялся Александры Николаевны, какъ огня. Я помню, что я самъ себѣ казался длиннымъ-длиннымъ, руки у меня всегда были красныя, какъ гусиныя лапы, а ноги я пряталъ, потому что у меня были рваные сапоги и брюки, знаете съ бахрамой.

Топольновъ (*очутившійся тутъ-же*). А сколько вы теперь зарабатываете?

Яхонтовъ. Много, голубчикъ. А денегъ все-таки нѣтъ. Какъ хохлы говорятъ, въ долгахъ, якъ свиня въ репехахъ.

Солнцева. Все-таки такъ скоро стали такой знаменитостью.

Яхонтовъ. Ужъ и знаменитостью.

Солнцева. Еще бы! Васъ такъ всѣ любятъ.

Яхонтовъ. А лучше ли я сталъ оттого, что всѣ меня любятъ? а? Это, Солнышко, вопросъ.

Солнцева. Ай, что вы! Что вы! Слышите, господа, что онъ говоритъ?

Яхонтовъ (*переходя къ ученикамъ*). Увѣряю васъ,